

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81-112

Ю.А. Гурская

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДРЕВНИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ФАМИЛИЙ

Представлена комплексная модель описания культурно значимого онима Эйсмонт. На материале словарей, а также различных типов текста, репрезентирующих деятельность носителей фамилии, выявлены семантические компоненты, которые оказали влияние на концептуальное осмысление онима. На основе записанных нами текстов установлены сходства и отличия в концептуальной картине мира носителей фамилии Эйсмонт и гродненской шляхты белорусско-польского пограничья.

Ключевые слова: имя собственное; древние европейские фамилии; концепт; концептуализация.

Проблемы изучения концептов и концептосферы в настоящее время являются актуальными для целого ряда ученых, работающих в разных областях человеческого знания. Как отмечают исследователи, одним из важнейших средств установления уровня культуры человека при описании концептов становится изучение процессов концептуализации, под которой понимается процесс образования «концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [1. С. 93].

Концептуализацию личного имени как особого языкового знака исследователи связывают с треугольником Г. Фреге – А. Черча, при повороте которого денотат заменяется концептом [2. С. 35]. Учитывая данное теоретическое положение, формирование концептуального содержания онимов целесообразно рассматривать с опорой на популярную среди когнитологов интерпретацию концепта как *conceptus* – ‘зародыш, зернышко’. Моделирование семантической организации онима осложнено тем, что исследуемый языковой знак содержит два «зерна»: этимологический компонент и компоненты значения, формирующиеся на основе деятельности денотатов имен.

Опираясь на историко-этимологическую [3], когнитивно-аксиологическую [4] модели концепта, а также методику профилирования (термин Р. Лангакера), представленную в работах А. Вежбицкой и развивающих ее идеи Е. Бартминского и его учеников [5], остановимся на анализе семантических компонентов древней фамилии *Эйсмонт* и определим, какую роль они играли в процессе концептуализации на протяжении XVII – начала XXI в.

Выбор данного имени как объекта исследования обусловлен следующими причинами. Фамилия *Эйсмонт* репрезентирует один из крупнейших рыцарских родов Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Речи Посполитой, за которым стоит обширный пласт средневековой культуры шляхетского сословия, сформировавшего особую ментальность, традиции, набор ценностей. Данная фамилия представлена в крупнейших русских, польских, литовских энциклопедиях, что свидетельствует о значимости представителей рода Эйсмонта для разных лингвокультур. Этимологию фамилии исследовали российские, белорусские, украинские, польские, литовские ученые, однако дискуссия о происхождении онима остается открытой. Незавершенной является проблема концептуализации древних фамилий, что определяет актуальность исследования.

1. Этимология и ареальное распространение имени собственного Эйсмонт. Относительно происхождения фамилии *Эйсмонт* существует несколько точек зрения. Как установила ономастолог И.А. Королева, фамилия шляхетского рода *Эсмонт* зафиксирована на территории Смоленского края, который в 1404–1514 гг. входил в состав Великого княжества Литовского [6. С. 58]. Б. Унбегаун в фундаментальном труде, посвященном русским фамилиям, рассматривает антропоним *Эйсмонт* как сложное литовское имя [7. С. 278].

Известный белорусский исследователь М.В. Бирилло фамилию *Ешман* относит к именам неясного происхождения, однако указывает на ее возможную связь с балтийской антропонимией [8. С. 143].

В украинском языке отмечены фамилии *Ейсмонт* и *Есимонтовский*, носители которых принадлежали к древнему благородному роду, украинской казацкой шляхте [9. С. 294].

В «Словаре литовских фамилий» зафиксировано около 40 вариантов фамилии, которые рассматриваются как сложные единицы балтийского происхождения: *Aiš-mant-as*, *Ais-ment-as*, *Áis-mintas*, *Aiš-montas*, *Aiš-muntas*, *Āš-mant-as*, *Āš-mant-as-Jėš-mant-as*, *Āš-mant-āvičius*, *Āš-mont-as*, *Āš-munt-as*, *Eiš-mantas*, *Eiš-mintas*, *Eiš-monta*, *Eis-i-mont-(as)*, *Eiš-montas*, *Eis-mont-ovičius*, *Eiš-muntas*, *Eiš-i-mont-(as)*, *Eiš-i-mant-(as)*, *Eiš-mant-(as)*, *Eiš-mont-(as)*, *Es-i-mont-as*, *Es-mant-as*, *Es-min-āvičius*, *Es-mont-as*, *Es-munt-as*, *Eš-mant-as*, *Eš-mont-as*, *Ejs-mont*, *Jaš-manta*, *Jāš-mantas*, *Jāš-montas*, *Ješ-montas*, *Jėš-montas*, *Jiėš-manta*, *Jėš-manta*, *Jiėš-mantas*, *Jiėš-mant-āvičius* [10. С. 70; 132; 562; 584]. В Литве отмечено 5 населенных пунктов типа: *Ei-mañ-čiai*; *Ei-mant-aĩ*; *Ei-mant-iškis*; *Ei-min-iškiai*; *Ei-mūnis* [11. С. 72]. На балтийское происхождение указывают и ойконимы-дериваты древней структуры с соединительным *-i-* в форме *Pluralia tantum*, зафиксированные на территории балтославянского пограничья: *Ejsymonty Wielkie* [12. С. 319].

Свыше 40 вариантов фамилии отмечено также на территории Польши: *Eis-mont*, *Ejs-mond*, *Ejs-mont*, *Ejs-mund*, *Ejs-munt*, *Ejss-y-mont*, *Ejs-y-mond*, *Ejs-y-mont*, *Ejz-y-mont*, *Es-mund*, *Eys-i-mont*, *Eys-montt*, *Eys-y-mont*, *Eys-y-muntt* и др. Польский лингвист К. Рымут соотносит фамилию с немецким сложным именем *Eismund*, образованным на базе апеллятивов: *Eis(en)* ‘железо’ + *munt* ‘защита’ [13. С. 178]. Самой распространенной формой является *Ejsmont* (по «Словарю современных польских фамилий», данную фамилию носит 1691 человек) [14.

С. 13–15]. Отметим, что в литовском и польском языках часть фамилий сохранила древнюю структуру с соединительным гласным *-i-*: лит. *Eis-i-mont-(as)*; польск. *Ejss-y-mont, Ejs-y-mond, Ejz-y-mont, Eys-i-munt, Eys-y-mont*.

Р. Траутманн обратил внимание на оппозицию, которую образуют двучленные литовские и древнепрусские антропонимы: лит. *Eis-mant-as* – прусск. *Ey-mant* [15. С. 291]. Заслуживает внимания наличие сходных по форме фамилий, образованных на базе сложных имен, в балтийской, славянской и германской антропонимии:

– нем. *Eismann, Eis(e)mann, Es-mann* – лит. – *Eisman (as)* – польск. *Esman*;

– англ. *Esmond, Esmonde* – нем. *Essmund* – польск. *Esmund* – лит. *Esmont(as), Es-munt(as)*.

Фамилия *Эйсмонт* зафиксирована с XV в. среди дворянского сословия Польши, Литвы, Германии, Беларуси, Украины, а с XVIII в. – среди татарских шляхетских родов. Существуют менее вероятные точки зрения, что данная фамилия славянского происхождения [16. С. 6], а также, что она создана искусственным путем [17. С. 115]. Известны и легенды о происхождении фамилии (см. ниже).

В качестве потенциального этимона элемента *Aīs-* (*Eis-*) представляется возможным выделить ряд генетически родственных слов, возникших на базе и.-е. корня **eis-<ā*, ср.: лит. *eīti* ‘идти’, *jóti* ‘ехать (верхом)’; *eid-lus* ‘ходкий’, *eig-a* ‘ходьба’; др.-прусск. *ēisei* ‘идти’ [18. С. 20]; др.-исл. *eisa* ‘бежать вперед’; др.-инд. *yā* ‘идти, ходить, ехать’, *yānas* ‘путь, дорога’. Компонент *Aīs-* представлен в древнеевропейской антропонимии: др.-герм. *Aisa-berga*; кельт.: *Aisa*; гидронимии: лит. *Aistà, Aīsė, Aīsetas, Aīsetà*; лат. *Aiša, Aišāte*; др.-прусск. *Ayssen*; норвежск. *Eisa<* Aisa*; итал. *Esaro<Aisaros*; топонимии: лит. *Aisėnai, Aispurvė, Aistiškiai* [19. С. 60].

Как отмечает Ю. Юркенас, семантика «идти – бежать – ехать» в индоевропейской антропонимии играет очень важную роль. Повышенная антропонимизация данных основ обусловлена понятием хождения на войну, в поход, на защиту коллектива. Ареал антропоосновы *Jo-/Ei-* занимает единое (сплошное) пространство (германо-балто-славянский ареал) [20. С. 74].

Кроме того, компонент *Aīs-* (*Eis-*) этимологически связывает данное имя с названием балтийского племе-

ни айстиев, заслуга введения которого принадлежит Тациту (*Aestiorumgentes*).

По мнению К. Буга, название *Aesti, aestorumgentes*, начиная с Тацита, обозначало до IX в. пруссов, так как именно отсюда начинался упомянутый им янтарный путь к Дунаю. Близкими соседями айстов, славян и готов, которые находились в низовье Повисленья и на побережье, Птоломей и Тацит считают финнов. Согласно данной гипотезе, общий этноним айстии использовался в более поздние века I тыс. германскими племенами применительно ко всем обитателям восточного побережья Балтийского моря. Впоследствии название айстов (айстиев) было перенесено германцами на финнов, живущих под властью айстов (прусов) и в настоящее время окончательно закрепилось за современными эстонцами. Дискуссия по поводу происхождения этнонима остается открытой [21. С. 124].

Второй компонент *Man(t)-* соотносится с индоевропейским корнем **men*, на базе которого возник ряд родственных слов: ст.-слав. *тнѣти*, рус. *мнить, помнить*; лит. *mintis* ‘мысль’; *minėti* ‘вспоминать’, *manyti* ‘думать, предполагать’, *mantūs* ‘смышлелый’; гот. *man* ‘полагаю’, *tunan* ‘думать, воспринимать’, *gamunds* ‘память’; др.-инд. *mānas* ‘мысль, ум’; греч. *μένος* ‘сила, мощь, мысль, намерение’, *μάντις* ‘прорицатель, пророк, ясновидящий’¹. Основы со значением «мышление», возникшие на базе корня **men*, обозначали человека как разумное, думающее существо, в силу чего широко использовались в качестве личных имен почти всеми индоевропейскими народами [20. С. 138].

Согласно историческим источникам, родовым гнездом *Эйсмонтов* был Гродненский повет. На основе метрических книг начала XVII – конца XIX в. нами установлено, что фамилия *Эйсмонт* на территории Беларуси образует четыре крупных массива – Гродненский, Лидский, Новогрудский, Минский, Борисовский поветы. Крайними южными точками распространения фамилии являются города Пинск – Давыд-Городок (территория Полесья). По мере удаления от балто-славянского пограничья древняя структура антропонимов и топонимов изменяется: топ. *Эйс-ы-монты* → *Эйсмонты* → *Эсьмоны* → *Есьманово* → *Есьмановцы* (см. рис. 1) [23. С. 260].



Рис. 1. Распространение двучленного имени собственного *Эйсмонт* в составе древних фамилий и топонимов с конца XIV в.

По данным книг «Память», которые содержат антропонимические данные конца XIX – начала XX в., а также экспедиционных исследований, на территории Беларуси нами зафиксировано 15 вариантов фамилии в 32 районах и 7 топонимов в 4 районах: *Ас-мант-ович, Есь-ман, Есь-мон, Есь-монт, Еш-ман, Еш-монт, Эйс-ман, Эйс-монт, Эйс-ы-мон, Эйс-мунт, Эйс-мант, Эс-мант, Эс-мант-ович, Эс-мон, Эш-мант-ович*; топ.: *Большие Эйсмонты, Малые Эйсмонты, Эйсмонтовицы, Эйсмонты, Эсьмоны, Есьманово, Есьмановцы*. Наибольшее распространение данный антропоним получил на территориях, где говорят на балтийских языках.

Таким образом, оним *Эйсмонт* представляет собой древнее сложное имя индоевропейского типа, в силу чего имеет сложную историю и множество вариантов. Как показал этимологический анализ, «зерном» концепта древнего двучленного имени является военная (в связи с компонентом *Jo-/Ei-*) и интеллектуальная деятельность носителей (в связи с компонентом *Mont-*). Рассмотрим, как данные семантические компоненты коррелируют с концептуализацией деятельности представителей рода.

2. Концептуализация имени собственного в текстовой картине мира (по данным деловой письменности XVI – начала XX в.).

2.1. *Этимология имени и профессиональная деятельность носителей: компонент Eis-*. Впервые фамилия *Эйсмонт* в составе топонимов зафиксирована на землях Великого княжества Литовского в конце XIV – начале XV в. в числе рыцарских родов, которые были приглашены великими князьями литовскими. Как указывает польский историк Е. Вишневецкий, после войн с Тевтонским орденом литовские князья, чтобы усилить свое господство на пограничных землях (Гродненский повет – западная часть современной Беларуси), «поселили у городов и при главных дорогах литовских и ятвяжских рыцарей, обязанных к военной службе». Скопление поселений, протянувшихся выразительной полосой в долине реки Свислочи, которая еще с конца XIV в. служила «стеной» границы страны, указывает на их целесообразное размещение. По мнению Е. Вишневецкого, инициатором, по крайней мере части из них, был великий литовский князь Витовт² [24. С. 28]. Самым многочисленным рыцарским родом, размещенном на стратегически важном пути Вильно – Гродно – Краков, были *Эйсмонты*.

Таким образом, принадлежность к древнему рыцарскому роду носителей фамилии коррелирует с семантикой первого компонента древнего сложного имени *Eis-mont*, означающего «хождение на войну, в поход, езда на коне». Отметим, что и толкование имени *Эйсмонтов* нем. *Eis(en)* ‘железо’ + *munt* ‘защита’, предложенное польским лингвистом К. Рымутом, полностью соответствует представлению о рыцаре в средневековой культуре.

Как представители привилегированного сословия, пользовавшегося рыцарским правом³, *Эйсмонты* с XV в. неоднократно упоминаются в памятниках ВКЛ. Впервые фамилия отмечена в Литовской Метрике в 1489 г.: *Пацу Еусимонтовичу* [25. С. 86]. В «Переписи войска Великого княжества Литовского» 1528 г. зафиксировано девять представителей рода: *Веньцко Еусимонтовичь; Шимънь Еусимонтовичь; Пашко а*

Статко, а Петрок, а Прокopf Еусимонтовичи; Петрашко Еусимонтовичь; Миколаи Еусимонтовичь; Дашко Еусимонтовичь [26. С. 95]. На многочисленность представителей рода в войске ВКЛ указывают «Переписи войска ВКЛ» 1567 и 1765 гг., где отмечено более ста носителей фамилии *Эйсмонт*, обязанных к военной службе [27. С. 23].

Необычайная активность представителей рода в военной и государственной сферах деятельности предопределила его раннюю концептуализацию в известных компендиумах и гербовниках ВКЛ и Речи Посполитой. Так, первый «Гербовник рыцарства ВКЛ», составленный в XVII в. ксендзом А. Кояловичем, эксплицирует в осмыслении фамилии *Эйсмонты* семантический компонент ‘принадлежащий к старинному аристократическому роду’: *Eysymontowie herbu Korab, dom rodowity w W.X. Litewskim w grodzieńskim powiecie* [28. С. 91]. Похожее толкование имени находим в известных гербовниках рыцарства ВКЛ и Речи Посполитой К. Несецкого, Б. Попроцкого, С. Урусского, на основе анализа которых выявляются следующие концептуальные характеристики: 1) *древность, старина*, которые представлены лексемами *dawny, starożytny: dawna I rozrodzona litewska rodzina*; 2) *многочисленность* – один из самых крупных родов ВКЛ и Речи Посполитой; 3) *известность: dom znakomity w ludzi rycerskich*. Описывая представителей рода, авторы гербовников отмечают, что *wszyscy oni należą do rodowitej I starożytnej szlachty polskiej* [16. С. 6].

В памятниках письменности XVI–XVIII вв. маркером социальной идентификации представителей рода выступает заимствованная лексика *бояре* (предположительно тюркизм), *шляхта* (из ср.-в.-н. при посредстве польского языка *slahie* ‘род, происхождение, порода’), *земляне* – землевладельцы (из польского *ziemia* – земля)⁴. В метрических книгах XVIII–XIX вв. наряду с термином *шляхта* используется лексема латинского происхождения *nobilis: Nobilium Nicolai Eysymontt et Annade Domo Eysymontowna*; ср. *Joachim I Rozalia Eysymonttowie szlachta* [29. С. 18].

Принадлежность к рыцарскому сословию указывает на традиционную профессиональную деятельность представителей рода – вести войну или готовиться к защите отечества. В силу этого доминантными ценностями в поведении представителей рода являются готовность проявить мужество, совершить подвиг. Концептуальные признаки *смелость, доблесть, патриотизм, гордость, свободолюбие* эксплицируются через характеристики поведения известных представителей рода в контексте значимых исторических событий: *Maciej Eysmont w 1651 r. pod Złotą Chorągwią Pancerną ks. Janusza Radziwiłła, od początku wojny Kozackiej, w obozie na sławę robiąc imienia swego; Jędrzej rodzony brat jego, mąż odważny w wszystkich ekspedycjach* [30. С. 10–11].

В описании образа рода *Эйсмонтов* обширную тематическую группу составляет военная терминология: *rycerz, rycerski, żołnierz, Złota Chorągiew, chorąży, wojski, miecznik, rotmistrz, regimentarz*. Оценка имени осуществляется через отсылку к персоналиям, особо отличившимся на военной службе: *Franciszek I Dominik, mężowie I rycerze dzielni 1650–1660; Aleksander, Leon mężowie rycerscy; Franciszek Eysmont,*

kawaler Legii Honorowej, został w 1825 r. sekretarzem w Komisji Rządowej Wojny; *Oktawian, podporucznik pułku 6 ułanów 1830 r.*, *kawaler orderu Virtuti Militari*; *Aloizy Eysmont, generał wojsk rosyjskich*, wylegitymowany w Królestwie 1842 r. [31. С. 394–395].

Согласно историческим документам, за большие заслуги привилеем от польского короля Жигимонта III представителям рода было пожаловано имение Шудзялово при Крынской Пуще в Гродненском повете [27. С. 26].

В рассматриваемый период значительно представлена в исторических источниках также государственная деятельность носителей фамилии. Среди представителей рода на государственной службе особо выделяется личность Фердинанда Эйсмонта, который в 1792 г. на Гродненском Сеймике вносит предложение о принятии Конституции 3 мая. В документах сохранилось выступление Фердинанда Эйсмонта, кавалера ордера св. Станислава, в котором наиболее ярко отражены такие концептуальные признаки, как *патриотизм*, *гонор*, *служение* представителей рода Эйсмонтов: *Łączmy ręka z ręką, mocniej trzymajmy się jedności, bądźmy z królem, bo król jest z nami, a żadna moc nas nadwątlić nie zdoła* [27. С. 52].

В документах отмечено 46 представителей рода, которые занимали значительные государственные, административные посты в ВКЛ и Речи Посполитой, были послами Большого Сейма, депутатами Трибунала ВКЛ. Особую значимость имеет лексика, называющая должностных лиц, а также судебная терминология, в результате чего содержание концепта расширяется. Ядром данного семантического микрополя выступают старобелорусская и польская терминология: *marszałek*, *burmistrz*, *horodniczy*, *gubernator*, *starostagrodowy*, *komornik*, *pisarzgrodzki*, *koniuszy*, *regent*, *cześnik*, *podczaszy*, *skarbnik*, *łowczy*, *ciwun*; *stolnik*; *sędziaziemski*, *sędziagrodzki*.

Таким образом, согласно историческим данным, представители рода относились к военной элите Великого княжества Литовского, в силу чего при концептуальном осмыслении актуализированы такие признаки, как *мужество*, *доблесть*, *гонор*, *достоинство*, *слава*. «Зерно» концепта, заложенное в этимологии компонента *Jo-/Ei-* древнего сложного имени (движение, езда верхом, поход, связанные с войной, защитой коллектива), «прорастает» в исторических памятниках, «большом количестве королевских, сеймовых и гетманских документов, свидетельствующих о необычайной активности и славных военных достижениях представителей рода» [27. С. 47].

После трех разделов Речи Посполитой в 1831 г. в Российской Империи был начат «разбор шляхты», в результате чего часть ее вошла в состав российского дворянства, а другая была зачислена в разряд однодворцев и мещанства. После отмены шляхетских вольностей шляхта живет идеей восстановления сословных прав, поднимает отчаянные восстания. В данный период наиболее яркие когнитивные признаки, такие как *гонор*, *свободолюбие*, *патриотизм* наполняются новым содержанием, а также появляется коннотативная сема 'жертвенность' в связи с политической деятельностью рода Эйсмонтов. В исторических документах отмечены многочисленные представители рода, активно уча-

ствовавшие в восстаниях XIX в. Многие из них подверглись преследованиям, ссылкам в Сибирь, на Кавказ. Так, «Словарь ссыльных» с 1815–1865 гг. фиксирует 18 носителей фамилии Эйсмонт [27. С. 87].

Однако самое большое число репрессированных приходится на период советского времени. Согласно историческим данным, жертвами политического террора в СССР стало около ста носителей фамилии Эйсмонт; из них расстреляно 22 человека [27. С. 94–103]. В 1932 г. произошло событие, отразившееся на судьбе многих поколений данного рода. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» 1938 г. (одном из наиболее прецедентных текстов эпохи 30–50 гг.) в известном высказывании И. Сталина фамилия Эйсмонт концептуально осмысливается в связи с политической деятельностью Николая Эйсмонта: «группа Бухарина сколачивала буржуазную молодежь и *разложившуюся советскую верхушку* (А. Смирнов, Эйсмонт, В. Шмидт и др.)» (выделено мною. – Ю.Г.) [32]. Данная концептуализация надолго предопределила судьбы носителей фамилии, у многих из которых они не могли не быть трагическими⁶.

2.2. *Этимология имени и профессиональная деятельность носителей: компонент Mont-*. Концептуальные представления о носителях фамилии в связи с компонентом *Mont-* формируются позже, что можно проследить на материале текстов-персоналий в энциклопедических, биографических словарях XIX–XX вв. В известных польских, литовских, русских изданиях представлено восемь биографий-характеристик, посвященных достижениям представителей рода в области науки, литературы и искусства. К важнейшим компонентам в структуре фреймов «биография» и «творческая деятельность» относятся: место рождения, учебы; вклад, который внесли представители рода в науку или культуру.

Как показывает анализ, в польских, литовских и русских энциклопедиях объем текстовых фреймов детерминирован культурной оппозицией *свой – чужой*. В частности, «Lietuviškoji Enciklopedija» отмечает представителей рода, которые связаны с Великим княжеством Литовским: *Eisimantas Jonas. Mikalojaus Kristupo Radvilos kapelionas. Mokėsi Vilniausakad*, 1596 gavodaktarolaipsni. 1610 iš lot. kalbosišv. Bojero poemą Carolmachia (Karolio Chodkevičiaus pergalė prie Kirchholmo) ir parašė eil. Threnodia, Vilniui sudėgus; 2) *Leopoldas Stanislovas. Mokėsi Gardino karo mokykl. ir Vilniaus univ* [33. С. 7, 604]. Те же информационные блоки о Яне Эйсмонте содержит «Polski Słownik Biograficzny»: *Eysymont Jan. Jezuita, ur. na Litwie. Kształcił się w Akademii Wileńskiej*». При этом в польском источнике актуализируется вклад в развитие национальной литературы: «Przełożył na język polski Bojera Wawrz. (Zawiszy)» [34. С. 327].

Фундаментальное издание «Polski Słownik Biograficzny» фиксирует 8 известных личностей рода Эйсмонты. Среди деятелей XVIII в. отмечены: поэт *Eysymont Marcin*; шляхтич Гродненского повета, наполеоновский офицер *Eysymon Leopold Stanisław*, который впервые в Польше перевел и издал работы по земледелию и мелиорации немецкого ученого F. Vorländera [34. С. 326–329].

В сфере искусства XIX в. в Польском словаре отмечены: художник, артист *Franciszek Ejsmond*, работы которого представлены в коллекции Народного Музея и Общества Изящных Искусств (Варшава); *Julian Ejsmond* – поэт, баснописец-сатирик, новеллист и др. [34. С. 214–216].

Особое место в «Польском словаре биографическом» занимает описание жизни и научной деятельности профессора Варшавского университета *Йозефа Эйсмонта* (1862–1937), который оставил около 50 научных работ. Статья, посвященная зоологу *Эйсмонду Иосифу Петровичу*, содержит также в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона» [35. С. 207–208]. Как показывает анализ, в «Словаре Брокгауза и Эфрона» текст отличается от стандартной структуры, так как в нем пропущен субфрейм «биография», характерный для данного типа текстов. В отличие от «Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона», «Польский словарь биографический» в сильную позицию (начало текста) помещает информацию о месте рождения, деятельности субъекта, свидетельствующую о его широких профессиональных интересах: *Eismond Józef, profesor, zoolog, cytolog embriolog. Ur. 17 IV w Skrzynniepod Radomiem* [34. С. 213]. Информационные блоки об учебе в Варшавском университете в рассматриваемых словарях совпадают. Кроме того, текст польской статьи содержит также информацию о присвоении ему в России научной степени доцента, а затем профессора зоологии.

Характеристика творческой деятельности выражена с помощью лексем, относящихся к семантическому полю «новаторство»: *professor Ejsmond Józef był członkiem i założycielem Tow. Nauk Warszawskiego, organizatorem I pierwszym przewodniczącym Wydziału Fizycznomatematycznego; Eysymont Leopold Stanisław wydał pierwszaw Polsce pracę z dziedziny łakoznawstwa i melioracji*; оценки профессиональной деятельности: *Ejsmond Józef był typem zdolnego naukowca samotnika* [34. С. 213]. Можно выделить объединяющие имена, значимые для польской и литовской культуры: 1) *Я. Эйсмонт* – иезуит, поэт, доктор философии, служивший при дворе Николая Радзивила Сиротки; 2) ученые *Антанас* и *Юозас Эйсмонты*; 3) поэт *Пранас Эйсмонт* (XIX в.).

Для русской и польской науки значимым является имя профессора зоологии *Иосифа Эйсмонта*. В то же время имена поэтов конца XIX – начала XX в. *Мартина Эйсмонта*, *Юлиана Эйсмонта*, художников *Франтишка* и *Станислава Эйсмонтов* концептуальны только для польской культуры.

Духовная и просветительская деятельность рода Эйсмонтов может рассматриваться как следующий слой концепта. Представители рода были связаны с христианской религиозной конфессией, поскольку рыцари принадлежали к духовно-рыцарским орденам. В источниках отмечены личности, относившиеся к доминиканскому, францисканскому, иезуитскому, пиарскому и другим монашеским орденам: *Marcin Eysymont przyjął stan duchowny w zgromadzeniu Pijarskiem 1751 r., człowiek uczony, w językach obcych I w rysunkach biegły, matematyk, architekt; Jerzy Eysymont kanonik Inflantski; Jan Eysymont – jezuita, poeta, mąż wykształcony w Akademii Wileńskiej, doctor filozofii 1596 r.* [30. С. 11].

Описываемая линия рода связана с Гродно, который всегда играл значительную роль в ВКЛ и Речи Посполитой. В гродненском костеле Бернардинцев находится прах Матея Тадеуша Эйсмонта, депутата Главного Трибунала ВКЛ Гродненского повета. В документах отмечена и меценатская деятельность представителей рода: *Andrzej Kazimierz Eysmont, sędzia grodzki grodzieński ofiarowałw 1621 r. plac w Grodnie dla Jezuitów* [28. С. 50].

Среди представителей духовенства из рода Эйсмонтов отмечена женщина София Эйсмонт (сестра Феломена) – член собрания сестер доминиканок в Москве, основанного в 1918 г. В 1924 г. она была арестована и сослана в Сибирь, где продолжала просветительскую деятельность [27. С. 123]. Проанализированный материал позволяет выявить важнейшие концептуальные признаки в осмыслении фамилии: *большая религиозность, служение Богу*.

Таким образом, концептуальный анализ имени собственного *Эйсмонт*, по данным ряда исторических источников XVII–XIX вв., репрезентирует знания о необычайной активности, масштабе и многообразии деятельности носителей фамилии в различных сферах. Согласно историческим данным, представители рода относились к военной и интеллектуальной элите Великого княжества Литовского, в силу чего в текстовой картине мира при осмыслении представителей рода наиболее яркими являются, с одной стороны, такие концептуальные признаки, как *мужество, доблесть, гонор, достоинство, слава*, а с другой – *образованность, интеллект, высокая духовность, служение*. На протяжении XVII–XIX вв. в результате освоения имени на уровне когнитивного сознания в текстовой картине мира было сформировано ядро семантического поля онима: *Эйсмонты – фамилия крупнейшего древнего рыцарского рода герба Короб, представители которого отличались выдающимися личностными качествами и внесли значительный вклад в историю, науку и культуру Великого княжества Литовского и Речи Посполитой*.

3. Элементы концептуальной картины мира представителей рода Эйсмонты (на материале текстов аудиозаписей белорусско-польского пограничья). С целью выявления современного слоя концепта в 2004–2006 гг. нами были проведены на территории Гродненщины полевые исследования, в ходе которых мы ставили задачу установить, что сохранилось в начале XXI в. от средневековой рыцарской культуры Великого княжества Литовского на территории белорусско-польского пограничья. В ходе исследования были записаны тексты в жанре интервью (преимущественно на польском языке). Особое внимание уделялось языку семьи, дома, т.е. ойколекту, по Л. Беднарчуку, поэтому мы записывали прежде всего речь пожилых людей.

Большие Эйсмонты, Малые Эйсмонты и Эйсмонты Надтобольские были основаны, как уже отмечалось, рыцарями в конце XIV – начале XV в.⁷ Данные топонимы относятся к «родовым названиям», которые обозначали жителей определенного поселения и служили наименованием всех членов рода. Исследуемый регион охватывает территорию бывшего Великого княжества Литовского, на котором сосуществовали в течение не-

скольких веков польская, литовская, белорусская, русская, немецкая и многие другие культуры. Принятие римско-католического вероисповедания привело в XV–XVI вв. к полонизации рыцарских родов и появлению широкой польскоязычной полосы шляхетских околиц вдоль Свислочи, которые сохранились до настоящего времени.

По воспоминаниям респондентов, Большие и Малые Эйсмонты до Второй мировой войны были очень большими околицами⁸, в которых проживали в основном представители шляхетского рода Эйсмонтов: *kiedyś sześćdziesiąt rodzin, większość było Ejsmontów* (МА). В памяти информантов до сих пор живо представление о происхождении рода из рыцарского сословия, верой и правдой служившей королю: *Ejsmonty tu jak tu mówi się, nazywali się szlachta, to było uhonorowana od Polskiej Rzeczpospolitej, od Polskiej uhonorowana za zasługi na frontach, na wojnach, no inne zasługi ktoś tam zasłużony był i potem jego rodzina i dalej już nazywała się szlachta* (МА).

Важнейшей сферой в концептуализации фамилии выступают и родовые предания, легенды, мифы, которые были зафиксированы Т. Эйсмонтом [27. С. 12]. Отмечены скандинавская, немецкая, ирландская (английская), литовская, татарская версии о происхождении фамилии. Так, скандинавская версия связывает происхождение рода Эйсмонтов с викингами. Согласно легенде, предком рода был шведский магнат *Symeon*, который поднял восстание против своего короля и бежал под опеку польского короля. Король сказал ему: *«Ej, Symeonie – bądź ostrożny, bo zbyt śmiało jako Szwed żeglował po morzu – I stąd powstało nazwisko Korab Eysymontt»*. На варяжский след, по мнению носителей фамилии, возможно, указывает «Сага об Эймунде» – нормандском князе, который, по предположениям историков, получил во владение Полоцк и Ливонию [27. С. 14].

В соответствии с гербовой легендой родовой герб Эйсмонтов «Короб» был принесен в Польшу из немецких земель рыцарем по имени Миорш. Более поздние источники утверждают, что рыцарь прибыл в XIII в. из Ирландии или Англии⁹.

Как видно, генеалогические предания рода Эйсмонтов повествуют о рыцарях или князьях, поселившихся в Гродненской пуше, что во многом коррелирует с выводами историков о заселении во времена Ягеллонов данной территории рыцарями, защищавшими русские земли от крестоносцев.

В настоящее время носители фамилии идентифицируют себя с коренным польским населением, которое живет на этой земле испокон веков: *Ale prosze was takmy byli Polaki... Polaki jak to każuc rdzenne Polaki z krwi i kości. Zakorzenione tutaj na tym miejscu odpradziadów, prapradziadów. W Ejsmontach nie było Białorusow, tylko jedne Poliaki* (МА).

Как свидетельствуют респонденты, до Второй мировой войны в околицах Большие и Малые Эйсмонты говорили только по-польски; по-польски говорили в доме, на праздниках, свадьбах, с гостями: *Ejsmonty, Kozłowiczy tam o Bobowiczy to już my między sobo po polsku. Wszystkie po polsku, to nicht nawet ni umiał to po tej po białorusku tej rozmowy* (МА). Высказывания респондентов подтверждают, что в языковом сознании информантов базовой

ценностью является концепт *польский язык*, который, как и латинский, выполнял функцию сакрального языка. Польский язык воспринимается не только как средство общения, но и как языковой код, определяющий принадлежность или непринадлежность индивида к шляхетской среде. Польские исследователи отмечают, что польский язык в Литве до сих пор является атрибутом шляхетства [36. С. 114].

До войны в Больших и Малых Эйсмонтах были польские школы. Учителя приезжали из Варшавы: *u nas nauczycielka była z Warszawy. Ona bardzo dbała o dzieci, o młodzież, różne insceni zaczę, różne te komedyjki uczyła, I bardzo dużo piosen takich polskich: «Do czynu wszyscy wraz» I tak to takich dużo I wonzanki taki, różne piosenki*. После 1939 г. польские школы были закрыты, однако в семьях с детьми родители говорили по-польски, что свидетельствует о концептуализации польского языка в речи старшего поколения как важнейшей духовной ценности. Наши материалы свидетельствуют об уходящих ойколектах (языках рода, семьи). К синтаксическим маркерам социолекта и ойколлекта можно отнести выражения: (говорить) *между собой, сами с собой, в доме*. По словам информантов, до войны в околицах была совсем другая жизнь: *młodzieży było bardzo dużo, zawsze zbierali się w niedziele po kościoliewszystkie. Wesolo było, dobrze. Potem jak kolchoz zaczął się, to wszystko zmarnowało się. Całe życie już nie to poszło* (СИ). Все семьи вели интенсивную светскую жизнь – визиты, «комедийки», балы, свадьбы, которые выполняли объединяющую функцию, способствовали сохранению родовых и семейных традиций.

В мирной жизни Эйсмонты, как и другие представители шляхетского сословия, занимались земледелием. Важнейшей ценностью для представителей рода была земля, о чем свидетельствует концептуальная метафора в речи информантов *земля – это основа жизни: Żyliż całkiem inaczej... każdy miał swój kawałek ziemi. Każdy czyszył się kawałka ziemi, z i e m i a t o g r u n t, a już teraz to jakiż grunt? Культурно маркированным концептом является дом, символом которого выступает большой сад с цветами: *piękny domy mieli, pięć pokojów było... sad nowy zasadzony był, różne kwiaty już ojciec zasadził* (КС).*

Представления о патриотизме, значительной духовной деятельности рода, широко осыщенной в исторических документах XVII–XX вв., дополняет образ костела в околице Большие Эйсмонты, который всегда имел особое значение как для представителей рода, так и в жизни Велико-Эйсмонтовской парафии. Согласно архивным источникам, первоначально Большие Эйсмонты были духовным именем, принадлежащим Велико-Эйсмонтовскому костелу, который был основан в 1659 г. При костеле действовало католическое братство св. Яна Непомуцена, которое имело свой устав, костельные хоругви, богослужебные книги. Благодаря благотворительной деятельности братства при костеле были открыты школа и «шпиталь» – приют для больных и нищих. Главным фундатором костела считается Анна Эйсмонтова, с которой жители околиц связывают легендарное предание о чудотворной иконе Божьей Матери Эйсмонтовской: *Mówili, że cudowny obraz w Wielkich Ejsmontach. On tak zawsze drugim zasłonięty w głównym*

altarzu, jak wielka uroczystość odkrywa się, jak ja pamiętam. Matka Boska tam pokazała się. Jak zawsze ludzie mają jakoś biedy, chodzą, modli się dużo cudów poznała i zakrywali, ale nie dali rady zakryć naszego kościoła (ЭБ). Чудотворная икона Святой Девы Марии, написанная в XVIII в. итальянским художником Сикстусом, находилась в главном алтаре храма. В костеле хранилась книга чудес «*Rubus Marianus*», написанная ксендзом Андреем Эйсмонтом в 1738 г. Анализ материалов показывает, что в течение XVI–XIX вв. околица *Большие Эйсмонты* имела особую культурную значимость, служила духовным центром волости, куда каждый год совершалось паломничество к чудотворной иконе Божьей Матери Эйсмонтовской: *festy były 16 maja była uroczystość bardzo duża, z drugich parafij przyjeżdżali* (ЭБ). Представление о Больших Эйсмонтах как о духовном центре парадии, открытом миру, сохранилось в памяти жителей соседних околиц: *za rzeką i bagnam... leży duża okolica Wielkie Ejsmonty, z dużym murowanym i malowanym na biało kościołem parafialnym. Wkolo kościoła znajduje się cmentarz, a całość otoczona est sporym murem. Obok kościoła istnieje piękna duża plebanija i budynki gospodarcze. Tu, co niedziela, zdobywało się najświeższe wiadomości z całej parafii, z kraju i ze świata* [37. S. 39].

Образ костела репрезентирует доминантные ценности представителей рода – *патриотизм, религиозность, образование*. По воспоминаниям респондентов, в домах и в Эйсмонтовском костеле были библиотеки, жители околиц читали художественную, религиозную литературу: *Byli książki w szlacheckich domach, byli w szkołach naszych biblioteki. Patriotycznie i religijne*. Прецедентными авторами являются Г. Сенкевич, Э. Ожешко.: *Jak nadejdzie zima, czytali. O Polsce, o tym powstaniu... Sienkiewicza była książka, o Jadwidze, też Sienkiewicza «Potop», «Krzyżacy»* (КС).

Духовная жизнь выполняла объединяющую функцию среди представителей шляхетского сословия. До Второй мировой войны в *Больших Эйсмонтах* было костельное объединение католической молодежи, которое называлось «Академия». В памяти респондентов сохранились значимые события, связанные с польской культурой: *zbieraliśmy się i otawiali o religijnych sprawach poważnie, taka Akademia jak nazywali. Śpiewali pieśni dawniejszych religijnych, i nie tylko religijnych, a prosze was i patriotycznych. «Boże, coś Polske», śpiewali «Nie rzucim ziemi»* (МА). Осмысление концепта *костел* реализуется на основе базовых метафор *костел – этика; костел – вторая школа*. Тема религии, костела маркируется в речи информантов переключением кода – переходом на польский язык: *Хоть и стоптали эту религию нашу, но костёл – это этика. Грамотные люди проводили молебны в kościele, nabożenstwa. Książdz zawsze mówił: złe uczynki, dobre uczynki, przykłady, znaczy i u nas Bog jeden, no jak to zajdemdo kościoła – i etyka, i kultura, i nabożenstwa* (МК). Этические нормы поведения, заложенные костелом, такие как благородство, сочувствие, готовность прийти на помощь людям, которые оказались в беде, ярко проявились в годы тяжелых испытаний, выпавших на долю представителей рода. Рассказы информантов свидетельствуют о многочисленных случаях помощи обедневшим, подвергшимся репрессиям и высылкам семьям.

Записанные нами тексты отражают значимость ценностного компонента шляхетской культуры, пристанищем которой были и в какой-то мере остались бывшие околицы. Аксиологическими доминантами в картине мира старшего поколения являются: *гонор, благородство, вольность, костел, польский язык, труд, земля, дом, фамилия рода*, что во многом коррелирует с отмеченными исследователями доминантными концептами польской шляхты, проживающей на Гродненщине [38. С. 181–199]. Данные концепты мы отнесли к константам, по Ю.С. Степанову, поскольку они являются устойчивыми на протяжении нескольких столетий, отражают базовые ценности шляхетской культуры. В то же время в концептуальном осмыслении фамилии *Эйсмонты* к ядру концепта во всех трех моделях языковой картины мира относятся такие важнейшие признаки, как *мужество, патриотизм и высокая духовность*, обусловленные масштабом и многообразием военной и культурно-просветительской деятельности носителей фамилии. Представители рода воспринимают себя как особый социум, обладающий уникальной историей и культурой. Фамилия рода *Эйсмонты* связана с ключевыми именами культуры – великий князь Витовт, Радзивиллы, Антоний Тызенгауз, Элоиза Ожешко, Адам Мицкевич и др. Носители исследованной ветви фамилии ощущают себя как общность сакральную, базирующуюся на высших религиозных ценностях. Символом этой духовной общности является икона Божьей Матери Эйсмонтовской, название которой коррелирует с фамилией рода.

В нашем исследовании представлена одна линия рода Эйсмонтов, на примере которой мы проанализировали фрагмент концептуальной картины мира Гродненской шляхты польско-белорусского пограничья. В результате многократных преследований, ссылок, миграций в XX в. род *Эйсмонтов*, как и другие шляхетские семьи, был разъединен. Оказавшись на разных территориях, представители рода внесли значительный вклад в белорусскую, русскую, польскую, литовскую культуры. Среди них были известные ученые, священнослужители, поэты, художники, военные, а в XX в. – архитекторы, режиссеры, журналисты, государственные деятели. В настоящее время потомки этого древнего рода живут в Беларуси, Германии, Канаде, Литве, Польше, России, США и других странах.

Анализ семантической структуры древней фамилии *Эйсмонты* на материале словарей и разных типов текста показал, что «зерном» концепта имени собственного является, с одной стороны, этимология имени, а с другой – деятельность индивида, под влиянием которой могут происходить изменения в семантике онима. Структура концепта-имени включает в себя сформировавшееся ядро семантического поля онима, а также важнейшие концептуальные признаки: *мужество, доблесть, гонор, достоинство, слава, образованность, интеллект, высокая духовность*, которые выделяются на протяжении всей эволюции концепта. История семантической структуры древней фамилии позволяет проследить процессы, которые происходили не только в ономастике, но и в истории, культуре социума, в силу чего древние фамилии вводят исследованный ареал в широкий европейский контекст и

способствуют сохранению исторической культурной памяти. Представленная модель концепта может использоваться как базовая структура для описания концептов разных классов имен собственных.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Существует также точка зрения (А. Брюкнер), согласно которой компонент Mant- связан с ятвяжским словом *manta* 'богатство, имущество'. О связи лит. *mantà* с и.-е. **men* см. [22].
- ² Согласно историческим данным, приглашение рыцарей в ВКЛ начинается во время деятельности великого князя литовского Гедимина.
- ³ Термин *рыцарское право* (*jusmilitiae*), введенный в оборот Ф. Скориной в предисловии к книге «Второй закон», обозначал совокупность юридических норм, обычаев и традиций, которые регламентировали военный быт и отношения в армии в XV–XVI вв.
- ⁴ Воины-рыцари в ВКЛ назывались боярами, а после Городельской унии 1413 г. также шляхтичами. *Шляхта* – привилегированное сословие, выделившееся из рыцарства. Показателем принадлежности к шляхетскому сословию была служба с земли, в силу чего, начиная со Статута 1529 г. в качестве синонима к термину *шляхта* употребляется слово *земляне* – «землевладельцы», которое вытеснило термин *боярин*. Привилегией от 1 марта 1566 г. король Жигимонт Август ввел в действие Статут, в котором утвердилась идея «шляхетского народа» – рыцарства, благородных землевладельцев, которые служат государству, а средства на жизнь имеют от земледелия.
- ⁵ Концепт *honor* (польск. *honor*) не имеет точного эквивалента в русском языке. Он предполагает чувство собственного достоинства, служение, патриотические обязанности перед Родиной. Слово *honor* в польском языке имело также значение 'родовая фамилия шляхтича'.
- ⁶ Николай Эйсмонт, сын ссыльного в Пермскую губернию польского помещика, заместитель председателя Высшего Совета Народного хозяйства России и член Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства СССР. Согласно историческим данным, 7 ноября 1932 г. состоялся разговор, в котором Эйсмонт совместно с другими сторонниками группы Бухарина – Рыкова критиковал «линию ВКП (б)». Получил 3 года тюрьмы, впоследствии погиб в авиа- или авткатастрофе. Реабилитирован посмертно в 1962 г. [27. С. 122].
- ⁷ В XVI в. в ВКЛ была проведена реформа административно-территориального деления, в результате которой Большие Эйсмонты вошли в состав Гродненского повета Трокского воеводства. В этот период территория Беларуси находилась в составе ВКЛ, объединенного на основе Люблинской унии с Польшей в одно государство Речь Посполитую. В 1795 г. в результате третьего раздела Речи Посполитой западная часть Беларуси отошла к Российской империи.
- ⁸ Околица – название населенного пункта, где проживали только представители шляхетского сословия.
- ⁹ По воспоминаниям носителей, в генеалогических выводах, которые были составлены дореволюционными историками из Петербурга, Риги, Вильно, представители рода, жившие в кн. Лихтенштейн, на конце фамилии писали согласный «к», в то время как жившие в кн. Люксембург – «ф» [27. С. 14].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. С. 93.
2. *Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 35.
3. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры: опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
4. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
5. *Бартминский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. С. 47–51.
6. *Королева И.А.* Словарь фамилий Смоленского края. Смоленск: СПУ, 2006. С. 58.
7. *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. С. 278.
8. *Бірыла М.В.* Беларуская антрапанімія. Мінск: Навука і тэхніка, 1969. С. 143.
9. *Вакуліч М.* До історыі аднаго прозвішча: Ейсмонты та Есімонтаўскіі // *Acta Baltico-Slavica*. 2006. Т. 30. 291–299 с.
10. *Lietuvių pavardžių žodynas*: In 2 t. Vilnius: Mokslas, 1985. Т. 1. P. 70.
11. *Lietuvos administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas*. Vilnius: Mintis, 1976. P. 72.
12. *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*. Warszawa, 1881–1902. 15 t. Т. 2. S. 319.
13. *Rymut K.* Nazwiska Polaków: słownik historyczno-etymologiczny: W 2 t. Kraków: Wyd. Polskiej Akademii Nauk, Instytut Języka Polskiego. 1999–2001. Т. 1. S. 178.
14. *Rymut K.* Słownik nazwisk współcześnie w Polsce używanych: 11 t. Kraków: Wyd. Polskiej Akademii Nauk, Instytut Języka Polskiego, 1993. Т. 3. S. 13–15.
15. *Trautmann R.* Die altpreussischen Personnamen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 1925. S. 291.
16. *Ciechanowicz J.* Rody rycerskie Wielkiego Księstwa Litewskiego. Rzeszów: Fosze, 2001. Т. 5. S. 6.
17. *Наука и жизнь*. 2010. № 1. С. 115.
18. *Топоров В.Н.* Прусский язык: Словарь. М.: Наука, 1979. 384 с.
19. *Pėteraitis V.* Mažoji Lietuvažiu Tvankstaprabaltų, pralietuvių ir lietuvinių laikais. Vilnius: Mokslas, 1992. P. 60.
20. *Юркенас Ю.* Основы балтийской и славянской антропоники. Вильнюс: Циклонас, 2003. 196 с.
21. *Būga K.* Rinktinai raštai: 3 t. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslines literatūros leidykla, 1958–1962. Т. 3. P. 124.
22. *Fraenkel E.* Litauisches Etymologisches Wörterbuch: In 2 Bd. Heidelberg: Winter, 1962. Т. 1. S. 408.
23. *Гурская Ю.А.* Древние фамилии современного белорусского ареала на славянском и балтийском фоне. Минск: БГПУ, 2007. С. 260.
24. *Wiśniewski J.* Osadnictwo wschodniej Białostoczczyzny: geneza, rozwój ora zróźnicowanie I przemiany etniczne, «Acta Baltico-Slavica» 1977. Т. 11. S. 28.
25. *Литовская Метрика* = *Lietuvos Metrika*. Вильнюс, 2004. Кн. 4: Книга записей (1479–1491). С. 86.
26. *Пераниц* войска Вялікага княства Літоўскага 1528 г. Мінск, 2003. С. 95.
27. *Ejsmont T.* Ejsmontowie. Wstępne opisane historii rodu. Modlica, 2009. 208 s.
28. *Kojalowicz W.* Herbarz gycerstwa W.X. Litewskiego. Compendium szyli o klejnotach albo herbach. Kraków, 1897. S. 91.
29. *Метрические* выписи окрещений, бракосочетаний и смертей Эйсмонтовского прихода: 1798–1800 // *Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas F.* № 604, ap. 13. Vt. 90. S. 18.
30. *Niesecki K.* Herbarz Polski: W 10 t. Lipsk: Breitkopf I Haertel, 1839–1846. Т. 4. 518 s.
31. *Uruski S.* Rodzina: herbarzszlachty Polskiej: W 8 t. Warszawa: Gebethner I Wolff., 1906. Т. 3. S. 394–395.
32. *Краткий курс истории ВКП(б)*. URL: http://www.lib.ru/DIALEKTIKA/kr_vkpb.txt (дата обращения: 25.06.2007).
33. *Lietuviškoji Enciklopedija*. Kaunos: Spaudos Fondas, 1933. P. 7, 604.
34. *Polski słownik biograficzny*. Kraków: Polska Academia Umiejętności, 1939. Т. 4. Z. 29. S. 327, 328.
35. *Энциклопедический словарь* / Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. СПб., 1899. Т. 79. С. 207–208.
36. *Sawaniowska-Mochowa Z., Zielińska A.* Dziedzictwo kultury szlacheckiej na byłych Kresach północno-wschodnich Rzeczypospolitej. Warszawa: Instytut slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2007. S. 114.
37. *Kulikowski A.* Lata chłopięce i huk dział. Warszawa: Dom wydawniczy Bellona, 1999. S. 39.
38. *Прохарава С.М.* Фрагменты концептуальной картины мира польской шляхты, проживающей на Гродненщине // *Выбраныя працы*. Мінск: Права і эканоміка, 2009. С. 181–199.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 мая 2010 г.